

В одном из каменных домов [городка Винчи](#) (а все они какого-то грязновато желтого оттенка), расположенного в горах Тосканы, 15 апреля 1452 года родился, пожалуй, самый многогранный гений Возрождения (а может и всех времен) – Леонардо. Исследователь загадочных явлений, создатель, тревожащих воображение улыбок, за которыми кроется, непознаваемая глубина, и рук, указующих в неизвестность, в горные выси, он казал временникам волшебником. Люди последующих поколений называли его итальянским Фаустом.

Загадка Леонардо начинается с его рождения. Он был незаконно рожденным сыном женщины, о которой почти ничего не известно. Мы не знаем ни ее фамилии, ни возраста, ни внешности, не знаем, была ли она умна или глупа, училась ли чему или нет. Биографы называют молодой крестьянкой. Пусть это так и будет. В Винчи существует традиция называть ее хозяйкой таверны. Она знакома нам под именем Катерина.

Об отце Леонардо, Пьеро да Винчи, известно гораздо больше, но тоже недостаточно. Он был нотариусом и происходил из семьи, которая обосновалась в Винчи, по крайней, мере в XIII столетии. Четыре поколения его предков также были нотариусами, достаточно бережлив хитрыми, чтобы стать землевладельцами и войти в число состоятельных горожан, носящих титул «сеньор», который уже по наследству перешел и к отцу Леонардо.

Господин Пьеро, мессэр Пьеро, которому во время рождения сына было около двадцати пяти лет, обладал впечатляющими мужскими достоинствами: он дожил до семидесяти семи лет, имел четырех жен (трех успел похоронить) и был отцом двенадцати детей, причем последний ребенок появился на свет, когда ему было семьдесят пять. По всей видимости, в нотариальной практике он также добился существенных успехов: когда ему было уже за тридцать, он переехал во Флоренцию и основал там свое дело. Его уважали, особенно в среде аристократии.

В эпоху Возрождения на незаконнорожденных детей смотрели терпимо. Такие дети нередко появлялись у прислуги разных рангов, и часто относились так же, как к детям, рожденным в законном браке.

Известно, что папа Александр VI Борджиа качал на своих святейших коленях четырех собственных детей. Леонардо сразу же был признан своим отцом и даже крещен в его присутствии, а также в присутствии нескольких членов его семьи. Однако в дом отца он был взят далеко не сразу. Вскоре после рождения он был отправлен вместе с Катериной в деревню Анхиано, расположенную недалеко от Винчи, и оставался там около четырех лет, в течении которых мессэр Пьеро успел жениться на первой из своих жен, шестнадцатилетней девушке, занимавшей на социальной лестнице более высокую

ступень, чем мать Леонардо.

Молодая жена оказалась бесплодной. Возможно, по этой причине Леонардо в возрасте приблизительно четырех с половиной лет был взят в городской дом, где сразу же оказался на попечении многочисленной родни: дедушки, бабушки, отца, дяди и приемной матери. В налоговом реестре, относящемся к 1457 году, он назван **незаконным сыном Пьеро**.

О том, как проходило детство Леонардо в Винчи, нам ничего неизвестно. В более поздние годы он увлекался ботаникой, геологией, наблюдениями за полетом птиц, игрой солнечного света и тени, движением воды. Все это свидетельствует о его любознательности и еще о том, что в молодости он много времени проводил на свежем воздухе, прогуливаясь по окрестностям городка. Эти окрестности, которые мало изменились за последние пятьсот лет, и сейчас чуть ли не самые живописные в Италии. Винчи располагается на склоне горы Монте Альбано, одной стороной спускаясь в долину Арно, где лежит Флоренция. Другой стороной городок поднимается вверх, к таинственным скалам, где среди мшистых уступов прячутся многочисленные пещеры и текут холодные стремительные ручьи. На склоне горы, там, где позволяют условия, крестьяне распахивают небольшие поля и разбивают виноградники, которые обрабатывают сами. Старые оливы, чьи кроны сформированы в форме бокалов, чтобы лучше улавливать солнечный свет, стоят одиноко или рядами вдоль дорог. Повсюду можно увидеть множество цветущих миндальных деревьев. Среди них темнеют кипарисы, напоминающие хвосты огромных лисиц. Воздух так чист, что с горы Монте Альбано можно увидеть Средиземное море, которое находится в шестидесяти пяти километрах отсюда.

Вид долины Арно, 1473г

Среди более семи тысяч страниц [рукописей](#) и [рисунков](#) Леонардо, сохранившихся до наших дней, нет ни одной, которая касалась бы его юности. У него вообще чрезвычайно мало заметок, имеющих отношение к собственной жизни. Однажды, излагая на бумаге теорию формирования рек, он обронил название деревни, в которой жил в детстве – Анхиано, – и тут же зачеркнул это слово,

Его образование, очевидно, было таким, как у всякого живущего в маленьком городке мальчика из хорошей семьи: чтение, письмо, начало математики, латынь. Латынь никак ему не давалась, он вынужден был бороться с ней до конца своих дней: большая часть книг, представлявших для него ценность, была написана именно на этом языке, хотя эпоха Возрождения дала сильнейший толчок к использованию народного итальянского языка в литературе и ко времени его смерти на итальянском было опубликовано множество книг. Леонардо прекрасно сознавал недостатки своего образования, отсутствие в нем системы и глубины и впоследствии чувствовал необходимость защищаться от безымянных критиков, которые говорили, что он «не эрудит».

Теория искусства, за одним великим исключением, не имела большой ценности в глазах молодых художников времен Леонардо: **они постигали ее не из книг, а из уст своего учителя и наблюдений за его повседневном трудом**

. Но за пятьдесят лет до Леонардо архитектор Филиппо Брунеллески революционизировал искусство, разработав принципы линейной перспективы, благодаря которым пространство, ограниченное живописным полотном или рельефом, могло иллюзионистически растягиваться до размеров реального. Эффект глубины достигался использованием линий, сходящихся в центральной воображаемой точке. После открытия Брунеллески, которое быстро переняли Донателло, Мазаччо и Гиберти, живопись не могла оставаться плоскостной и двумерной. Но, насколько нам известно, Брунеллески вовсе не писал трактата; подобный труд - первый в этом роде предпринятый со времен античности и явившийся одним из величайших достижений Возрождения, – выпал на долю ученого и архитектора Леона Баттисты Альберти.

Альберти поднял идеи Брунеллески на уровень научной теории и писал трактаты по живописи, скульптуре и архитектуре, с которыми Леонардо наверняка должен был ознакомиться. Именно Альберти выразил мысль о том, что кроме необходимого технического мастерства современный художник должен обладать также познаниями в [геометрии](#), оптике и перспективе; он должен понимать тайны человеческого тела, потому что движения тела отражают движения души». Больше всего Альберти занимало соотношение между математикой и искусством. Он чувствовал, что во Вселенной существуют определенные пропорции, которые выражают божественный замысел, не случайно Леонардо был, можно сказать, зачарован [математикой](#), использовал ее в своих живописных работах и долгие годы считал, что именно в ней содержится ключ ко всем знаниям.

В 1460 – 1470-е годы во Флоренции жили выдающиеся ученые, которые оказали влияние на формирующийся ум Леонардо. Одним из них был Бенедетто дель Аббако,

занимавшийся коммерцией, механикой и инженерным делом. Должно быть, именно идеи Бенедетто на всю жизнь пробудили в Леонардо интерес к изобретательству и всяческим механизмам. Как пишет Вазари, Леонардо «был первым (хотя и был молод), кто выдвинул проект выкопать соединенный с рекой Арно судоходный канал от Пизы до Флоренции. Он также сделал чертежи мукомольных мельниц, подъемных и других механизмов, которые приводятся в движение силой воды».

Среди других людей, оказавших влияние на Леонардо, можно назвать Паоло дель Поццо Тосканелли, выдающегося ученого-математика, астронома и врача, сделавшего также и некоторые открытия в области географии, изучая соответствующие книги и карты и анализируя отчеты путешественников. Тосканелли верил, что до восточных стран возможно добраться, если все время плыть на запад через Атлантику; в 1474 году, за восемнадцать лет до путешествия Колумба, Тосканелли послал ему карту и письмо, в котором убеждал предпринять такую попытку.

Насколько тесно общался Леонардо с этими людьми, сказать трудно, но весьма вероятно, что он специально искал их общества. Он всегда был прямолинеен и неудержим в своем стремлении к знаниям: если кто-либо обладал интересующим его знанием, он шел прямо к цели и спрашивал, что ему было нужно. «Пусть маэстро Лука покажет тебе, как умножать корни», – напоминал он себе в одной записке, а в другой писал: «Пусть монах из монастыря Брера объяснит тебе *De Ponderibus*».

В политической жизни Флоренции Леонардо участия не принимал и возможно, не питал к ней никакого интереса. Флоренция считалась республикой, однако практически ею управляло семейство Медичи и круг аристократов и интеллектуалов, группировавшихся вокруг их двора. Главным инструментом власти был банк Медичи, через который протекало все богатство города, основанное на производстве мануфактуры, торговле шелком и шерстью, ювелирном деле и изготовлении предметов роскоши.

Медичи покровительствовали искусству, но к Леонардо это не относилось. Скорее всего, ему мешала репутация, которую он приобрел еще в ранней молодости, и которая с годами только укреплялась: блестящий и многосторонний, но медлительный и неблагонадежный, склонный бросать работу недоделанный. Со своей стороны, Леонардо не чувствовал себя при дворе Медичи свободно. Герцоги были гуманистами-неоплатониками и питали глубокий интерес к классической древности. То же можно было сказать, и о Леонардо, однако несколько в ином смысле. Они забавлялись тем, что вели себя как древние римляне, часто облачались в тоги и обращались друг к другу на изысканной латыни, которую Леонардо, не преуспевший в этом языке, считал немного смешной. Как бы то ни было, но правители Флоренции мало что сделали для него.

Если исходить из хронологии его творчества, то мы располагаем мизерным числом точных дат, относящихся к периоду его жизни между двадцатью и тридцатью годами. Один документ, датированный 8 апреля 1476 года, когда Леонардо было около двадцати четырех лет, может что-то сказать (а может и не сказать) о его личности, однако он слишком затаскан комментаторами, и к нему очень трудно отнестись объективно. Флорентийские правители в качестве средства поддержания своей власти становили рядом с Палаццо Веккио некий ящик, прозванный барабаном (тамбуро). В этот ящик каждый мог опустить анонимное обвинение, которое расследовалось в том случае, если по нему находились свидетели. В вышеназванный день, в тамбуро, было обнаружено обвинение Леонардо и ещё троих молодых людей в том, что они занимались любовью с семнадцатилетним Джакомо Сантарелли, служившим в мастерской моделью. Обвинение могло быть продиктовано чьей-то злобой; обвинитель так никогда и не был найден, ни один свидетель не появился, и хотя дело пошло в суд во второй раз спустя два месяца, в конечном итоге все это ни к чему не привело. В наши дни существует тенденция игнорировать этот документ. Однако некоторые обстоятельства жизни Леонардо, его замечания о любви, его отношение к женщинам не позволяют нам сделать это в полной мере.

Через некоторое время после этого события, возможно, между 1476 и 1478 годами, Леонардо открывает собственную мастерскую. Не известно, на какой улице она была и сколько времени просуществовала, но точно установлено, что Леонардо больше не работал у

Верроккио

. Об этом свидетельствуют два независимых расследования.

Листок бумаги, свидетельствующий о том, что Леонардо в определенный день находился на определенном месте, не является датированным документом. Это небольшой рисунок, хотя он и представляет интерес для исследователей, так как фиксирует стиль и почерк Леонардо в определенный период его жизни, все же для искусства он не столь важен, как для биографов мастера. Как свидетельствует Вазари, у Леонардо была привычка бродить по улицам в поисках красивых или уродливых лиц, причем уродства, по его мнению, не следовало избегать; он рассматривал уродство как оборотную медаль красоты. Он был «настолько счастлив, когда замечал какое-нибудь забавное лицо, все равно, бородатое или в ореоле волос, что начинал преследовать человека, столь привлечшего его внимание, и мог заниматься этим весь день, стараясь составить о нем ясное представление, а когда возвращался домой, то рисовал голову так хорошо, как будто человек этот сидел перед ним».

Леонардо хранил свои впечатления не только в памяти, он носил с собой книжечку для эскизов, которую советовал иметь при себе и другим художникам в своем большом «Трактате о живописи»: «Ты сможешь частенько поразвлечь себя, когда выходишь отдохнуть и прогуляться на свежем воздухе, если будешь наблюдать и делать зарисовки людей, они разговаривают, или спорят друг с другом, или смеются, или бросаются друг на друга с кулаками... все это ты запечатлеешь быстрыми штрихами в маленьком карманном альбомчике, который всегда будешь носить с собой. И пусть в нем будет слегка подцвеченная бумага, чтобы ты не смог стереть нарисованного, а всякий раз должен был перевернуть страничку. Такие зарисовки нельзя ни в коем случае стирать, их надобно сохранять с крайним прилежанием, потому что существует столько форм и действий, что память неспособна их удержать. Поэтому тебе следует хранить

эти наброски: они примеры для тебя и твои учителя». Этот отрывок может очень хорошо объяснить, почему сохранилось относительно большое количество рисунков Леонардо; он очень редко их выбрасывал.

28 декабря 1479 года Леонардо, должно быть, прогуливался по Флоренции со своим альбомчиком. Ему тогда было двадцать восемь лет без нескольких

месяцев. Дата установлена в связи с неким историческим событием. За год до этого дня произошло кровавое, но неудачное покушение на Медичи, предпринятое членами семейства Пацци; и вот теперь один из конспираторов, который в свое время бежал в Турцию, возвращен во Флоренцию длинной рукой Медичи и повешен на одном из общественных зданий. Леонардо видел тело, видел сочетание страсти, презрения и ненависти на мертвом лице, – и сделал набросок. На том же самом листе он пометил: «Маленькая шляпа рыжевато-коричневого цвета, костюм из черного атласа, отороченная черным куртка, голубой камзол, отороченный черным, и белые бархатные нашивки. Бернардо ди Бандино Барончелли, Черные чулки».

Существуют две точки зрения на бесстрастные слова Леонардо. Согласно одной, слова эти свидетельствуют об ужасающем, аномальном отчуждении от всего человеческого: разве не мог он, хотя бы одной короткой фразой, выразить свое отвращение, или сострадание, или любую другую эмоцию? Согласно другой, в этот момент он действовал так, как и должен действовать художник, делая заметки для картины или детального рисунка, который надеялся создать и в который вложил все свои чувства.

Никто не может с точностью сказать, что же было на самом деле. Его личность тает в тумане времени, как и первые тридцать лет жизни, высвеченные из темноты только книгой Вазари да таким документальными фрагментами, как только что упомянутый. Гораздо большее значение имеет для нас его искусство. В 1481 году, когда Леонардо было двадцать девять лет, случилось событие, которое должно было, во всяком случае, его сильно задеть, если не унизить. Сикст IV, вне всякого сомнения предварительно посоветовавшись с Медичи, пригласил лучших тосканских художников

для работы в Ватикане. Среди приглашенных были Боттичелли, Гирландайо, Синьорелли, Перуджино, Пинтуриккио и Козимо Росселли – но не Леонардо. Он не мог отделаться от чувства, что во Флоренции, находящейся под властью Медичи, у него нет будущего. Он обратил свои взоры на север Италии и начал искать покровительства у могущественного Лодовико Сфорца, при дворе которого была более здоровая, не столь манерно-изысканная атмосфера. В 1482 году он уезжает в Милан и начинает новую жизнь вдали от Тосканы. Этот период длился почти двадцать лет, и за это время он получил признание – именно то, чего был лишен на родине.